

Илья Олейников, Юрий Стоянов. Этот теледуэт уникален. Кажется, что делают они всё очень просто, а результат оказывается превосходным. Их ни с кем не спутаешь, у них давным-давно уже есть собственное лицо, очень, кстати говоря, симпатичное. Они неотделимы друг от друга.

СВОИ ЛЮДИ ИЗ ЗНАМЕНИТОГО «ГОРОДКА»

— Правда, что вы родились в один день?

Олейников: — Правда! В один день! Только с разницей в десять лет. Но это, как вы понимаете, несущественно.

Стоянов: — Да, таким рождением и определилась судьба. Мы ведь вначале были каждый сам по себе, но оба словно чего-то искали в творчестве. Но в итоге встретились. Наверное, благодаря Господу Богу, это он нас свел.

— Рассказывают, что вы уже неплохо работали вдвоем, но вас долго не выпускали в эфир. И это правда?

Олейников: — Да, это было! Но было так давно, что уже кажется неправдой. Сейчас, наоборот, те же люди, которые нас на порог телевидения не пускали, приглашают поработать в жюри телевизионных программ.

Стоянов: — Профессионализм вообще-то защищает в любой ситуации. Вот сейчас даже если предположить, что из-за самодурства какого-нибудь начальника нам предложили бы уйти с одного канала, то, уверен, минут через двадцать раздался бы телефонный звонок, и нас позвали бы на другой.

— "Городок" — это попадание в десятку. Ну а есть ли в ваших головах другие проекты?

Олейников: — В моей — никаких! Но надо спросить у головы Стоянова: а вдруг она что-нибудь иное думает по этому вопросу?

Стоянов: — Проектов много. Но пока не скажу, секрет.

— Вы богатые люди? Вам это не мешает?

Олейников: — Это целых два вопроса. Вы назовите хоть одного человека, которому деньги мешали бы жить. Они как раз и существуют для того, чтобы жить нормально. Это же всем известно: лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Стоянов: — Я бы не стал определять свой уровень как "богатый человек". Скорее обеспеченный. Есть квартира, на жизнь хватает. Тут другое. Мы одарены редким видом счастья — получаем деньги за любимый труд. А такое нечасто бывает.

— У вас бывали минуты отчаяния, когда после ссоры хотелось разрушить свой дуэт и работать каждому самостоятельно?

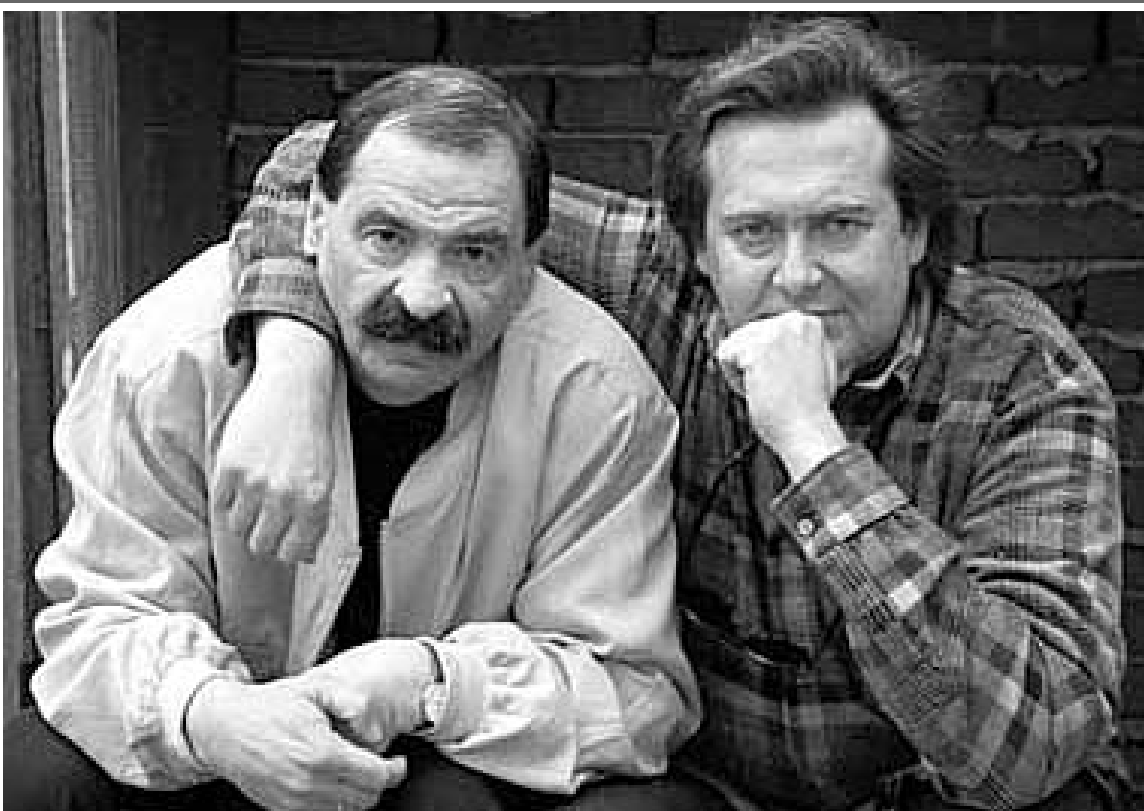
Олейников: — Конечно, каждый из нас сам по себе стоит дорого, но не так, когда мы вместе.

Стоянов: — Никогда у нас не будет хороших результатов вне нашей пары.

— Что все-таки важнее в жизни: быть серьезным или наоборот?

Олейников: — Важно, состоялся ты или нет. А в каком виде — серьезно или несерьезно — совершенно не важно. Я вообще шибко серьезных людей не люблю, тяжело с ними общаться. Я люблю людей легких по характеру, но серьезных по сути.

Стоянов: — Вообще нашим

шуточным делом нужно заниматься очень серьезно. Но заниматься серьезно и с чувством повышенной ответственности — разные вещи. Площадку подготовить — серьезно, расписать съемки — серьезно, придумать, про что передача, — серьезно, а на площадке — чтобы никакой серьезности. Вот тогда все будет серьезно.

— На экране вы — в образе, а каковы вы вне экрана?

Стоянов: — Все зависит от моего настроения. Во всяком случае, маску большой серьезности пожизненно на себя надеваю, тем более — недопустимости, популярности.

Олейников: — Это совершенно разные вещи: я или Юра в жизни и на работе. Когда мы делаем передачу, мы просчитываем: смешно это будет или нет, ни разу при этом не улыбнувшись.

— А характер, часом, не портится от того, что так много хохмите?

Стоянов: — Дело в том, что мы не хохлим. Хохлят в плохом театре. Хохлят за столом, остролювят, занимают трепачеством. Я играю какого-то человека, который попадает в смешную, нелепую ситуацию, но он не смешно реагирует, а так, как он должен ре-

агировать. В результате бывает смешно. Если вы появитесь у нас на съемках, вы будете очень разочарованы и уйдете с ощущением: боже, неужели из этого будет юмористическая передача? Юмор — это результат расчета.

Олейников: — Он портится не из-за того, что шутишь и шутишь, а из-за того, что работа отнимает слишком много времени.

— А вы встречали людей без чувства юмора вообще?

Стоянов: — Для меня — у человека есть чувство юмора, если он с юмором относится к себе. Быть остроумным и иметь чувство юмора — вещи разные.

Олейников: — Как правило, людей без чувства юмора нет, просто у каждого оно своеобразное. "Городок" хорош тем, что в нем есть и мягкий, и жесткий юмор, и ирония... Мы рассчитываем на все социальные слои.

— Ваши персонажи смешны, но темы-то серьезные. Где вы их ищете?

Олейников: — Искать ничего не надо, все это есть в подсознании, в подкорке. Ведь мы живем в стране, которая нас воспитала. Ничего не надо придумывать. Алкаш какой-нибудь, к примеру. Ты его каждый день видишь, он уже в тебе. Или врач, официант, премьер-министр... Это все твоё, все родное. Это то, с чем ты рос и с чем ты умрешь.

Стоянов: — Природа юмора людей, живущих в этой стране, не имеет аналогов. Никита Михалков снял замечательный фильм по пьесе Володина "Пять вечеров", действие которого разворачивается в коммунальной квартире. Европейские зрители решили, что это абсурдистская драматургия, и пьеса оказалась им гениальной — по законам театра абсурда. Для нас же это реальная жизнь целых

поколений. То, над чем мы смеемся, — это то, над чем бы они плакали. И наоборот.

— Вы хотите, чтобы люди над чем-то задумались?

Олейников: — Для того, чтобы они задумались, есть масса других передач. А задача "Городка" совершенно другая. Он построен не для того, чтобы зрители впадали в глубокий транс и задумывались над своей судьбой, судьбой страны и человечества. Задача одна — чтобы человек улыбнулся, отдохнул, подумал: не так страшен черт, здесь еще можно жить... И не только можно, но и нужно.

Стоянов: — Не в обиду зрителям будет сказано... Работаешь обычно для себя, для своих друзей. И если получается рассмешить других — то круг друзей расширяется до уровня массового зрителя. Мне бы хотелось избегать многозначительности. Не надо делать мысль выпуклой, потому что мысль либо есть, либо ее нет. А зритель — не дурак. Мне кажется, хорошо, когда сначала

смотрят, смеются, а потом уж думают. А не наоборот: смотрят, думают, думают, думают, а на следующий день вдруг засмеются.

— Приколы нашего "Городка" — одна из самых смешных страничек программы, уже классика жанра! А каким был первый прикол, помните?

Олейников: — Достаточно примитивным. Покрасили нашему человеку пиджак на спине в полосочку. Актер подсаживался на лавочку к случайным людям и через пару минут с криком вскакивал. Народ, естественно, подлетал вместе с ним. Съёмочная группа была в восторге!

— Каждую "пакость" придумываете вместе?

Олейников: — Процентом на 95 — это заслуга Юрия. Я сделал от силы полторы "скрытые камеры". Вдвоем мы, например, придумали историю, когда якобы идет съемка фильма. Мы просили людей с улицы подменить "заболевшего" артиста и сыграть эпизодическую роль Пушкина. Поэт должен был говорить на французском языке. В сценарии были такие слова, что, даже отлично владея французским, сказать фразу было невозможно. Одна фамилия барона Фиценшпуцентэфенбаха чего стоила!

— Как с юмором у тех, кто попал на вашу "удочку"?

Олейников: — Тем, кто смотрит, — смешно. А тем, кого "разводят", — не до смеха. Они пытаются сообразить, как выбраться из этого безобразия.

Стоянов: — Была замечательная "камера", когда "ребенок" в коляске голосом Ильи просил водочки. Рядом стояли две женщины и спорили, можно ли ему налить. Одна была в нерешительности с бутылкой в руке: "Он же просит...", а другая назидательным тоном учительницы выдала: "Нельзя! Водка же холодная!" Это трудно срежиссировать...

— Наверное, особо впечатлительные граждане набрасывались на вас с кулаками...

Стоянов: — Нет, спасает любовь к передаче. Только однажды, можно сказать, ударили. Мне подарили радиоэлектронного управляемого попугая величиной с собаку. Он ездил по улице и общался с прохожими моим голосом. Когда попугай запел песню, а народ стал бросать ему в кепочку милостыню, одна подвыпившая дама влепила ему пощечину: "Я тяжким трудом зарабатываю на жизнь, а ты, шкотина, стоишь тут и деньги клянчишь!" Эту оплеуху бедной плюшевой игрушке я воспринял как очень личную.

Олейников: — А я вспоминаю съемку на стройке. Наш человек просил прохожих "минуточку подержать ведро с краской". Оно висело на веревке на уровне второго этажа. Отпустить невозможно — грохнется на голову. Люди стояли по двадцать — тридцать минут, и мы наблюдали из окна автомобиля, как менялись выражения их лиц. У одного товарища нервы сдали. Пять минут он принаравливался, как ему избавиться от обузы. И когда ведро все же свалилось и из него посыпались камни, до него дошло, что это хохма. Мужик бежал всю стройку, нашел ломик и с криком "вашу мать!" стал носиться по улице, ища, кого бы ему "замочить". Мы с Юрой были счастливы, что он не знает, где находится наш "штаб".

— А вы друг друга разыгрываете?

Олейников: — Однажды я уснул после монтажа прямо в студии. Юрка меня будит и сообщает, что позвонили из Мурманска и предложили нам 10 тысяч долларов за рекламный ролик креветок. Час мы снимали, как я добросовестно пожираю креветки (заранее доставленные Юрой в студию). Потом раздался звонок: "Извините, Илья Львович, это из Мурманска беспокоят. 10 "штук" вам заплатить не можем. Накладочка вышла. Выделяем только пятьсот баксов". Я озверел: "Вы что, офонарели?" Минут пять орал, пока ко мне не подошел Стоянов: "Илья, успокойся, это тебе наш шофер звонил". "Какой шофер?! Меня в Мурманске "кинули!" "Поздравляю, ты замечательно сыграл в "Скрытой камере".

— Ломик не побежали искать?

Олейников: — Нет. Расцеловал Юру от счастья, что он нашел оригинальный ход...